

Научная статья

УДК 378.016:327(571.53)

EDN MAFTBP

DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(3).220-233

Забывтая страница дисциплинарной истории

международных отношений в России:

Восточное отделение внешних сношений ФОН ИГУ, 1921–1924 гг. Часть 1

Д.Я. Майдачевский

Байкальский государственный
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

25.09.2024

Дата принятия к печати:

18.10.2024

Дата онлайн-размещения:

05.11.2024

Аннотация. В статье на примере Восточного отделения внешних сношений Факультета общественных наук Иркутского государственного университета, существовавшего в 1921–1924 гг., рассматривается забытая, а может быть, попросту игнорируемая отечественной историографией попытка строительства в раннесоветский период в отечественной науке и образовании дисциплинарной области международных отношений. Исследование сосредоточено на рассмотрении формы, которую международные отношения приняли как область изучения и преподавания под влиянием как социальных, объясняющих историю ее становления, так и интеллектуальных факторов, определяющих и отражающих внутреннюю динамику формирующейся дисциплинарной области. Последняя в рассматриваемом в статье случае складывалась в процессе взаимодействия международного права и истории международных отношений с востоковедением, задававшим объект изучения – взаимодействия стран Дальнего Востока (Северо-Восточной Азии) с ведущими державами мира и / или друг с другом. Дисциплинарная идентичность (предметность, специализация) области обеспечивалась опорой на общие для входивших в нее дисциплин марксистские политико-экономические методологические основания, а также теоретический концепт империализма / колониализма (международную политическую экономию). Начавшиеся уже со второй половины 1920-х гг. радикальные трансформации в области изучения и преподавания общественных наук резко оборвали не просто институционализацию международных отношений как перспективной области социального знания, но и в целом линию по его строительству на основе творческого, академического марксизма, породив бесплодие, каковым оно страдает до сих пор.

Ключевые слова. Международные отношения, отделение внешних сношений, факультет общественных наук, А.Н. Гладстерн, Ф.А. Ротштейн, Иркутский государственный университет, академический марксизм, политико-экономический подход, «красное востоковедение», Китай.

科学文章

俄罗斯国际关系学科史上被遗忘的一页：伊尔库茨克国立大学社会科学系东方外交关系部，1921–1924 年。第 1 篇

D.Ya. Maidachevsky

贝加尔国立大学，

伊尔库茨克，俄罗斯联邦

结稿日期：2024年09月25日

出版日期：2024年10月18日

网上出版日期：2024年11月05日

摘要：本文以 1921 年至 1924 年间存在的伊尔库茨克国立大学社会科学系东方外交关系部为例，探讨了一个被遗忘的、甚至可能被国内史学忽视的尝试，即苏联早期国内科学和教育界建立国际史学学科领域。该研究的重点是国际关系作为一个研究和教学领域在社会因素（解释其形成的历史）和知识因素（决定并反映新兴学科领域的内部动力）的影响下所采取的形式。后者，在本文所考虑的案例中，是在国际法和国际关系史与东方研究相互作用的过程中发展起来的，它设定了研究对象——远东（东北亚）国家与世界领先国家和/或相互之间的作用。该领域的学科特征（主题、专业化）是通过依赖构成该领域的各学科共同的马克思主义政治经济学方法论基础以及帝国主义/殖民主义（国际政治经济学）的理论概念来确保的。20 世纪 20 年代后半期开始的社会科学研究和教学的剧烈变革，不仅突然中断了国际关系作为一个有前途的社会知识领域的制度化进程，而且中断了在创造性的、学术性的马克思主义基础上构建国际关系的整个路线，导致了国际关系今天仍然存在的不育现象。

关键词：国际关系，外交关系部，社会科学系，A.N. Gladstern, F.A. Rothstein, 伊尔库茨克国立大学，学术马克思主义，政治经济方法，红色东方学，中国。

Original article

Forgotten Page of the Disciplinary History of International Relations in Russia: Eastern Department of Foreign Relations of Faculty of Social Sciences of Irkutsk State University, 1921–1924. Part 1

D.Ya. Maidachevsky

Baikal State University,

Irkutsk, Russian Federation

Received: 2024 September 25

Accepted: 2024 October 18

Available online: 2024 November 5

Abstract. The article on the example of the Eastern Department of External Relations of the Faculty of Social Sciences of Irkutsk State University, which existed in 1921–1924, considers a forgotten, and perhaps simply ignored by Russian historiography, attempt to build in the early Soviet period in domestic science and the formation of the disciplinary field of international relations. The study focuses on considering the form that international relations have taken as a field of study and teaching, influenced both by social, explaining the history of its formation, and by intellectual factors that define and reflect the internal dynamics of the emerging disciplinary field. The latter in the case considered in the article developed in the process of interaction between international law and the history of international relations with oriental studies, which set the object of study - the interaction of the countries of the Far East (Northeast Asia) with the leading powers of the world and/or with each other. Disciplinary identity (objectivity, specialization) of the field was ensured by relying on Marxist political and economic methodological foundations common to its disciplines, as well as the theoretical concept of imperialism/colonialism (international political economy). Beginning in the second half of the 1920s. radical transformations in the study and

teaching of social sciences sharply cut short not only the institutionalization of international relations as a promising area of social knowledge, but also the whole line for its construction on the basis of creative, academic Marxism, giving rise to infertility, which it still suffers.

Keywords. International relations, Department of Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, A.N. Gladstern, F.A. Rothstein, Irkutsk State University, academic Marxism, political and economic approach, “red oriental studies”, China.

Введение: дисциплинарная историография

Столетие окончания Первой мировой войны, а также венчавшей ее Парижской мирной конференции фактически завершило оформление в западной (главным образом, англо-американской) историографии новой исследовательской области — дисциплинарной истории науки о международных отношениях, становление которой пришлось на последнее десятилетие минувшего и первое текущего столетий. Хотя теоретические / «идейные» начала «международных отношений» можно, при желании, обнаружить еще в античную эпоху, вне всякого сомнения, именно Первая мировая война дала импульс и создала условия для организации международных отношений в качестве академической области знания. Можно, конечно же, критиковать «миф 1919 года», берущий за точку отсчета дисциплинарной истории факт создания в год подписания Версальского мирного договора кафедры международной политики в Уэльском университете в Аберистуите, но вряд ли следует игнорировать скрывающиеся за ним онтологические и эпистемологические ее (дисциплины) основания. Именно Первая мировая война и выработанные в ее преддверии, по ходу и в результате нормативные представления о войне и мире в рамках «классической» традиции, как гласит уже успевший сложиться историографический канон, задали вектор институционального развития дисциплины, сформировали сообщество теоретиков международных отношений и исследовательскую повестку дня. Последняя включала решение по существу двух важнейших нормативных и эмпирических вопросов «современности» — установления причин войны и условий сохранения мира (уделяя первоочередное внимание роли процессам разо-(воо-)ружения, дипломатии и возможностям нового международного института — Лиги Наций).

Впрочем, канон этот не выдерживает никакой критики, поскольку, как верно заметил К. ван дер Пийль, в рассматриваемый исто-

рический момент «...в понимании отношений между мировым рынком и мировой политикой, между колониализмом и войной полностью доминировал феномен империализма. Империализм, драматизированный мировой войной и русской революцией на ее заключительных стадиях, был доминирующей системой координат, в которой эти эпохальные события имели смысл как для ученых, так и для широкой общественности. В деле понимания мировых событий роль глобальной политической экономии стала столь же насущной, как и биологии в изучении растений и животных» [1, р. 10]. Тем не менее, международные отношения как академическая дисциплина (дисциплинарная область) была организована вокруг исключительно политического понимания природы научной области, ее эпистемологии и соответствующей исследовательской повестки. Что дает критически мыслящим историкам веские основания утверждать, что проект дисциплины международных отношений был очевидно конструктивистским, направленным против политико-экономических, в основном марксистских построений теории империализма [2, р. 13].

Подобно 14 пунктам В. Вильсона как альтернативы Декрету о мире В.И. Ленина и реакции на интернационализм социалистической революции в России, создание новой социальной дисциплины стало альтернативой теориям империализма, направленной на их и марксизма в целом маргинализацию. Отделение изучения международных явлений от классовой борьбы и процессов капиталистического накопления призвано было способствовать утверждению и продвижению капитализма как естественного и высшего состояния общественной организации, а также выработке стратегий глобального доминирования буржуазных государств, путем создания новой наукой универсальных абстрактных теорий, объяснявших международные отношения без какой-либо связи с ним.

Однако не только историографы-марксисты, но и представители других направлений кри-

тической историографии обличают «миф 1919 года» и стремятся перенести дату рождения дисциплины на одно-два десятилетия назад, в середину эпохи, которую, правда, с упорством, достойным лучшего применения, отказываются именовать империалистической, предпочитая «политкорректные» формулы типа «возрастающей политической и экономической взаимозависимости» или «первой волны глобализации». В чем можно и нужно усматривать не один только презентизм их построений, но и продолжение линии на вынесение марксистского критического анализа империализма (в том числе и в его современных версиях) за пределы дисциплинарных границ международных отношений, теперь уже с опорой на историографию.

За «обновлением» терминологического аппарата дисциплины обнаруживает себя попытка разрушения прежнего контекста ее рождения, позволяющего понять, в силу каких причин исследователи в эту эпоху были сосредоточены на объяснении динамики империализма и использовали для этой цели арсенал политико-экономического знания, и конструирования «нового» контекста. Последний, с точки зрения критиков, едва ли не исчерпывающе характеризуется доминирующим дискурсом европо-(западо-)центризма — идеологического аспекта империализма. Развиваемая ими культурологическая критика европоцентризма не дает, однако, объяснения его доминированию, будучи лишена связи с исторической реальностью — экономическими и властными структурами империализма.

Впрочем, по меньшей мере одного результата такая «критическая» историография добивается: невзирая на очевидный антиимпериалистический характер объяснительных теоретических конструкций, под ее огонь вновь попадает марксизм, замысловато определяемый как «антиимпериалистический» или «антипатерналистский» европоцентризм. Следуя логике презентизма, его сторонники, невзирая на критику ими и империализма, и Запада, обвиняются в заключающейся в «материализации Запада и отрицании роли Востока» «европоцентристской лжи», поскольку их труды основаны на различных европоцентристских метанарративах, чем невыгодно отличаются от «универсалистского культурного плюрализма», приведшего, в конечном итоге, «к толерантности к Другому» [3, р. 750–752].

Не столько вывод, сколько очередной выпад в адрес марксизма сторонников подобной «критической» историографии служит хорошим подтверждением наблюдения одного из видных ее

представителей Дж. М. Хобсона о том, что «практика историографии обязательно является глубоко политическим проектом, который стремится либо лишить легитимности путь, который прошла дисциплина до сих пор, чтобы радикально изменить его в будущих новых направлениях (как в критической историографии), либо, наоборот, является оборонительным и консервативным, стремясь оправдать и узаконить направление, которое дисциплина приняла ранее, чтобы дисциплинарный статус-кво мог быть сохранен в будущем (как в ортодоксальной, традиционной историографии)» [4, р. 154]. Факт же, что и традиционная, и критическая историография едины в своем политическом неприятии марксистского видения процесса рождения науки о международных отношениях, как и претензий политико-экономической теории империализма послужить ее дисциплинарными основаниями, позволяет даже, на наш взгляд, объединить их под общим названием «охранительной».

Возьмемся утверждать, что и в отечественной науке о международных отношениях антимарксизм, в ней доминирующий, серьезно затрудняет поиск ее дисциплинарных начал и предметно-содержательных (онтологических) оснований. Что, в общем-то, неудивительно, принимая во внимание и зависимое (периферийное) интеллектуальное (недо)развитие самой дисциплины в стране, начиная с 1990-х гг. выступающей потребителем доминирующего в науке интеллектуального продукта англо-американского мейнстрима (ядра), и отсутствие в ней даже намек на историографическую саморефлексию, выступающую едва ли не единственным инструментом, с помощью которого можно понять идентичность дисциплины, обнаружить «технические условия», на котором она должна строиться. В силу чего отечественная дисциплина международных отношений довольствуется историографическим суррогатом, вписывая ее прошлое в схемы преимущественно традиционной, или ортодоксальной западной историографии.

Относя рождение академической области международных отношений к межвоенному периоду, М.М. Лебедева, например, полагает, что «Россия была одним из первых среди государств, открывших эту область исследований» [5, р. 32], подчеркивая появление у последней собственного предмета изучения (отличного от истории международных отношений), институциональной организации — созданного в 1925 г. Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП), но, что более важно,

увязывая это событие и дату с «международным признанием социалистической России» [5, р. 32] как свидетельством превращения последней в «нормальное» суверенное национальное государство — субъекта Вестфальской системы и идеи, лежащей в основе западного понимания международных отношений.

Немало приверженцев и у другой точки отсчета истории дисциплины. Так, В.И. Михайленко и Е.В. Хахалкина полагают, что, «в то время как на Западе Первая мировая война стимулировала интерес исследователей к международным отношениям, советские ученые начали изучать международные отношения во время Второй мировой войны» [6, р. 9], имея в виду все тот же ИМХМП (и его «наследника по прямой» — Институт мировой экономики и международных отношений), а также созданный в 1943 г. факультет Международных отношений МГУ, преобразованный вскоре в Московский государственный институт международных отношений. Впрочем, не только институциональное, но и контекстуальное основание у подобной точки зрения остается фактически прежним: СССР уже не просто получил международное признание, но «все больше начинает ориентироваться на Вестфальскую систему, поскольку он не просто оказался в числе государств-лидеров, а стал лидером, вокруг которого сформировался один из полюсов биполярной системы межгосударственного взаимодействия, основанной на Вестфальских принципах» [7, с. 269].

Свой завершённый вид созданная на скудном российском историческом материале историографическая схема приобрела в работах М.М. Лебедевой. В соответствии с ней, дисциплинарная история международных отношений (напомним, берущая старт в 1925 г.) демонстрирует противоречивое единство двух моделей понимания международных отношений — основанных, соответственно, на идее пролетарского интернационализма и классовом подходе (марксизм-ленинизм) и на идее национального государства и примате национальных интересов («интуитивный реализм») [7, с. 269; 5, р. 39–40]. Нетрудно заметить, однако, что схема эта является калькой с западной модели, с той только разницей, что противопоставляет революционный раннесоветский идеализм / утопизм сталинскому реализму как порождению концепции построения социализма в отдельно взятой стране. Лишь вторая из моделей, на взгляд создателя схемы, обеспечивала научное объяснение международных процессов; первая же, малопригодная

для анализа конкретной реальности, в лучшем случае, позволяла изложить нормативную точку зрения, руководствуясь социалистической утопией, в худшем же — ограничивалась пронизанной идеологией внешнеполитической риторикой. Стоит ли уточнять, что в соответствии с этой схемой, лишь отринув последнюю (т.е. отказавшись от марксизма), пережив эпоху по большей части некритического заимствования-освоения западных международно-политических концепций 1990–2000-х гг., отечественная наука международных отношений вышла на «столбовую дорожку» развития мировой (западной) науки о международных отношениях.

Дисциплина, рожденная революцией

Вопреки логике вышеизложенной историографической схемы, увязавшей становление науки о международных отношениях с возвращением Советской России в лоно Вестфальской государственно-центристской политической системы (модели), наше исследование сосредоточится на первой половине 1920-х гг., т.е. на периоде, когда страна победившей социалистической революции стремилась создать альтернативное последней и основанное на классовых, не понимаемых крайне узко как политико-идеологических, но — политико-экономических, началах устройство как страны, так и мира в целом. Именно эти устремления сопровождалось забытыми ныне попытками строительства науки о международных отношениях, или о «внешних сношениях», как она тогда чаще называлась, что не дает оснований увязывать это событие исключительно с международно-политическими условиями (контекстом) или политическими отношениями, исказившими, в конечном итоге, траекторию развития дисциплины в стране, деформировавшими ее онтологические и эпистемологические основания. Международная система — это не только политическая система, или реалистическая сфера властных отношений, но и пространство, в котором экономические и классовые отношения взаимодействуют с последними различными способами, познание которых и должно было стать делом новой дисциплины.

Процесс дисциплинарного строительства в рассматриваемый раннесоветский период истории был обусловлен многими факторами, из которых исследователи, как правило, отдают предпочтение прагматическим — политическим и идеологическим: пришедшая к власти в ре-

зультате революции новая политическая сила (партия большевиков) нуждалась в том, чтобы легитимизировать свое политическое доминирование, а потому запустила масштабный проект по реструктуризации общества, включая, в первую очередь, сферы образования и науки в соответствии с классовым подходом, заимствованным из социальной науки. Исследовательское внимание сосредоточивается, в этой связи, главным образом на внешних проявлениях хода реализации этого проекта, описываемых, преимущественно, при помощи понятий, отражающих процесс перемен и несущих в современных условиях (в результате критики и «отказа от марксизма» в постсоветский период) скорее отрицательную, негативную коннотацию — «пролетаризации», «коммунизации», «марксизации» и т.п. указанных сфер, а также на противоречиях и конфликтах между носителями «старого» и «нового», традиционалистами и прогрессистами, консерваторами и реформаторами, хотя, как справедливо заметил в свое время А.Н. Дмитриев, «конфликтах скорее идеологических, чем дисциплинарных» [8, с. 21].

Последнее замечание, помимо прочего, имеет в виду тот факт, что дисциплиностроительство послереволюционных лет было явлением объективным, шедшим в русле аналогичных процессов, имевших место в основных мировых центрах науки и образования, каковыми являлись Европа и США. Рубеж XIX–XX вв., как отмечает тот же А.Н. Дмитриев, стал периодом «интенсивного онаучивания и модернистских импульсов, оказавших влияние на формирование главных исследовательских программ в поле наук о человеке. Новые социальные науки (социология и наука о политике), экономика, широко использующая математические модели, и экспериментальная психология укрепляют свой методологический статус и публичный престиж — что приводит к созданию новых департаментов и факультетов или переориентации уже существующих» [там же]. И Первая мировая война, и Русская революция лишь ускорили начавшийся ранее процесс и сделали более очевидной связь социогуманитарного знания с проблемами политико-экономического развития, а последняя, к тому же, придала ему несколько иной характер, иную направленность и задала своеобразие форм, которые сциентификация гуманитарного и дисциплинарное оформление социального знания приняли в Советской России.

Как точно подметил И. Валлерстайн, социальные науки в рассматриваемый период, с одной

стороны, обеспечивали осовременивание идеологической надстройки буржуазных обществ, предлагая более эффективный механизм легитимизации капиталистической системы, а, с другой, предложили антисистемным движениям язык, с помощью которого те могли разоблачать ее пороки. «Движения, о которых мы говорим, должны были принять стратегическое решение о переменах, осуществляемых посредством государственной власти. Подобным же образом те представители исторических социальных наук, которые видели свою роль в содействии социальному преобразованию мира, должны были сделать стратегический выбор. Им предстояло решить, куда направить научную энергию. Их принципиальный подход состоял в том, чтобы предложить аналитическую модель общественной жизни, решительно отличную от той, которую предлагали ученые, представляющие буржуазию или истеблишмент. Эта модель, доказывали они, будет правильнее или адекватнее объяснять реальность и позволит ускорить социальное преобразование мира. Одной из таких моделей, без сомнения важнейшей, и был марксизм» [9, с. 125].

Поэтому пресловутая «марксизация» науки и образования, стартовавшая вскоре после октябрьского переворота, может и должна рассматриваться не только с точки зрения их подчинения классовой идеологии, но и с позиций дисциплинарного строительства социального знания и онаучивания с опорой на него знания гуманитарного на методологическом (материалистическом) фундаменте марксизма. Совокупность исследовательских практик, установок и направлений в социальных и гуманитарных науках, которые в интересующий нас период были связаны с марксизмом как особым исследовательским методом, а не социально-политической идеологией, уже упоминавшийся на страницах статьи А.Н. Дмитриев обозначил понятием «академический марксизм». При этом исследователь особо подчеркивает, что речь идет не о «мимикрии, показной лояльности и желании спокойно продолжать свои исследования, подверстав их под принципы марксистского мировоззрения» (что будет иметь место впоследствии), а о движении, представителям которого «марксизм виделся и как наиболее перспективный подход, и как выход из дисциплинарного или методологического кризиса» [10].

Последнее уточнение, впрочем, невольно сужает рамки академического марксизма, фактически ограничивая его представителями до-

революционной академической и университетской науки, число приверженцев марксистских методологических установок среди которых было крайне незначительно. Именно поэтому новая власть уже с первых своих дней прилагала усилия и предпринимала шаги, направленные на создание новых советских научных и образовательных институций и реформирование старорежимных (прежде всего, университетов), с целью содержательной (ре)организации социальных дисциплин на началах марксизма и производства «марксистски подкованных» научных кадров. Из числа важнейших инноваций в указанном направлении упомянем лишь о создании Социалистической академии общественных наук (САОН) (1918), Факультетов общественных наук (ФОН), призванных заменить упраздненные в университетах юридические и историко-филологические факультеты (1919), а также о их реорганизации (1921), как об имеющих непосредственное отношение к интересующему нас вопросу возникновения дисциплинарной области международных отношений.

Отделение внешних сношений ФОН МГУ и Кабинет внешних сношений Социалистической академии

Упомянутая реорганизация вышеназванных институций, рассматриваемая нередко как часть их внутренней истории, стала, на наш взгляд, очередным этапом становления академического марксизма, призванным упорядочить прежде несколько хаотично шедший процесс. Об этом говорит тот факт, что она являлась результатом деятельности Комиссии для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики, созданной декретом СНК РСФСР от 19 ноября 1920 г. Одним из результатов ее деятельности должны были стать новые учебные планы факультетов и отделений общественных наук, а также программы входящих в них дисциплин¹. Осознавая сложность поставленной задачи, Комиссия со страниц газеты «Правда» обратилась с призывом «К ученым России» принять участие «как в этой сложной и ответственной работе, так и в проведении полученных результатов в жизнь», рассчитывая найти «поддержку со стороны тех

¹ О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР : Декрет СНК от 19 нояб. 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 714. URL: <https://istmat.org/node/42824> (дата обращения: 10.08.2024).

профессоров и не принадлежащих к академической среде ученых, которые готовы посылить помогать в создании нового общественного строя на началах, провозглашенных Великой октябрьской революцией»².

При этом, в обращении было «честно и открыто» заявлено, что диктатура пролетариата «должна — по крайней мере, в пределах государственных учреждений — распространяться и на область научного преподавания и изучения. Советская Россия не может, на нынешней стадии своего материального и духовного развития предоставить желающим право преподавать какие угодно предметы, в каком угодно духе в расчете, что жизнь и общественное мышление учащих сами произведут надлежащий отбор». За данным заявлением скрывалась отнюдь не угроза, а альтернативная методология социальных наук, предложенная марксизмом. «[С]вободной и нейтральной социальной науки, по существу, нет и не может быть, пока общество состоит из классов, только с исчезновением классов исчезнет и тот своекорыстный ... интерес, которым... диктуется подбор, объем и содержание изучаемых и преподаваемых наук»³. Социальные науки — это науки, понимаемые не в узком смысле эмпиризма. Они являются наукой, поскольку стремятся понять человеческое общество, постигая основы социальной реальности за пределами поверхностных форм и посредством исследований, критики и теоретизирования. Социальные исследования должны и определяются нормативными целями и обязательствами. Претензии эмпиризма и позитивизма на научность социального знания основываются на предположении о беспристрастном наблюдении исследователя за индивидуальным поведением людей, в то время как марксизм считает этот подход слишком узким для понимания общества, настаивая на необходимости изучения практик социальных коллективов (классов) и структур как реальных объектов социального исследования, обеспечивающих более прочное их основание.

Упомянутая Комиссия известна также под названием «комиссии Ротштейна» по имени ее председателя — Федора Ароновича Ротштейна (Theodore Rothstein) (1871–1953), которому, как нам представляется, мы и обязаны рождением дисциплины международные отношения. Хотя в состав Комиссии входило немало видных отечественных марксистов тех лет (Н.И. Буха-

² К ученым России // Правда. 1920. 23 дек. (№ 289).

³ Там же.

рин, В.П. Волгин, М.Н. Покровский, И.И. Скворцов, В.А. Быстрянский (Ватин) и др.), только его последующая траектория научной и научно-организационной деятельности будет связана с международными отношениями. Руководство Комиссией по пересмотру преподавания общественных наук было, по всей видимости, едва ли не первым назначением этого уроженца Российской империи, члена РСДРП с 1901 г., тридцать лет находившегося в эмиграции в Англии и лишь на исходе 1920 г. вернувшегося уже в Советскую Россию [11]⁴. Его руководство Комиссией стало реализацией на деле одного из пунктов создавшего ее декрета СНК, поручившего Комиссии привлечь к делу выработки направлений, программ и руководств по общественным наукам заграничных ученых-марксистов. Что в данном случае не составило никакого труда, поскольку Ф.А. Ротштейн являлся зарубежным действительным членом САОН, этого первого рассадника марксистских знаний в Советской России, с момента ее организации в 1918 г.

Хотя считается, что важнейшим итогом деятельности Комиссии стала подготовка сразу трех декретов СНК РСФСР, определивших основные направления реорганизации преподавания общественных наук в вузах — «Об учреждении Институтов по подготовке Красной Профессуры» (от 11 февраля 1921 г.), «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» (от 4 марта 1921 г.) и «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов» (от 4 марта 1921 г.), наше внимание будет целиком сосредоточено на последнем из них. Объясняется это тем, что помимо «нормального», или стандартного, набора, включавшего экономическое, правовое и общественно-педагогическое отделения ФОН, декретом в Московском университете создавались еще три: статистическое, художественно-литературное и — интересующее нас — внешних сношений⁵.

Просуществовавшему фактически четыре года отделению внешних сношений ФОН МГУ (летопись ФОН на сайте последнего называет датой его рождения день принятия Декрета о

его создании 4 марта 1921 г., а фактической ликвидации — 29 сентября 1925 г., когда его и других упраздняемых отделений дела были переданы факультету советского права⁶) не повезло. Его история, в отличие, например, от факультета в целом [12], общественно-педагогического отделения последнего [13] или изучения и преподавания социологической дисциплины [14], не привлекла внимания исследователей. Сведения же, предлагаемые таким историографическим суррогатом как летопись, весьма отрывочны и противоречивы. Достаточно указать, что уже упомянутая выше летопись МГУ называет практически бессменным руководителем отделения М.Н. Покровского (1922–1925)⁷, одновременно считая таковым в 1923 г. Ф.А. Ротштейна⁸. Мы склонны полагать, что за исключением 1921–1922 гг. (когда, с июня 1921 г. и по июль 1922 г. Ротштейн являлся полномочным представителем РСФСР в Иране) именно последний, будучи инициатором его создания, руководил отделением. Тем более, что по возвращении в Москву после завершения своей дипломатической миссии он становится членом коллегии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), ответственным редактором издаваемого последним журнала «Международная жизнь».

Под руководством Ф.А. Ротштейна как члена президиума Социалистической академии в структуре последней начинает функционировать Кабинет внешних сношений (текущую работу осуществлял в качестве «замзава» юрист-международник и строитель науки о международных отношениях с дореволюционным стажем профессор Ю.В. Ключников), призванный стать центром организации научно-исследовательской работы в области международных отношений, включая руководство работами слушателей отделения внешних сношений ФОН МГУ. Именно на базе кабинета возникнет в рамках уже Коммунистической академии на исходе 1924 г. ИМХМП, первым директором которого станет все тот же Ф.А. Ротштейн. К сожалению, реконструируемая на столь скудном историографическом материале событийная история

⁴ Так что за появлением науки о международных отношениях на российской земле можно, при желании, увидеть британский «след».

⁵ О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов : Декрет СНК от 4 марта 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 176–177. URL: <https://istmat.org/node/45945> (дата обращения: 10.08.2024).

⁶ Летопись факультета общественных наук (1919–1925) // Летопись Московского университета. URL: <https://letopis.msu.ru/content/letopis-fakulteta-obshchestvennyh-nauk-fon> (дата обращения: 12.08.2024).

⁷ Покровский Михаил Николаевич // Летопись Московского университета. URL: <https://letopis.msu.ru/peoples/1308> (дата обращения: 12.08.2024).

⁸ Ротштейн Федор Аронович // Летопись Московского университета. URL: <https://letopis.msu.ru/peoples/1316> (дата обращения: 12.08.2024).

дисциплины, логика ее становления и развития под воздействием внешних и, прежде всего, социально-политических факторов, мало что дает для понимания содержательных оснований возникающей новой области знания, предметной направленности анализа, методологической ориентации и т.д.

Восточное отделение внешних сношений ФОН ИГУ

В пункте декрета СНК об организации факультетов общественных наук, предусматривавшем создание на ФОН ИГУ отделения внешних сношений, присутствовало примечание, предусматривавшее возможность организации подобного подразделения в других университетах страны только по особому разрешению Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос). Воспользовался таким правом лишь Иркутский государственный университет (ИГУ, Иргосун), стремившийся сохранить в своей структуре Восточное отделение упраздненного 1 июня 1921 г. Гуманитарного факультета, его историко-филологическую составляющую и действовавшие при отделении курсы восточных языков, предлагавшие слушателям помимо разговорного японского и китайского «некоторый минимум практических знаний, необходимых для работы на Дальнем Востоке» [15, с. 31]⁹. Ходатайство университета было удовлетворено и 3 сентября того же года губернская газета «Власть труда» проинформировала читателей о том, что «[с] разрешения Государственного ученого совета, при факультете общественных наук Иркутского

⁹ В июле 1922 г., уже в рамках нового отделения, вместо курсов будет создан вошедший в его структуру «практический» цикл восточных языков с двухлетним сроком обучения, слушатели которого помимо одного из восточных языков, а также обязательно для всех английского, изучали курс «востоковедения», включавший новейшую историю стран Дальнего Востока, историю религий стран Дальнего Востока, культурно-политический быт стран Дальнего Востока и правовое положение иностранцев на Дальнем Востоке (К четырехлетию Иргосуна. Иркутск : Первая гос. тип., 1922. С. 7). По всей видимости, цикл выполнял, помимо прочего, функцию вечернего отделения и его успешное окончание позволяло, в случае досдачи разницы в учебных планах, окончить полный курс обучения в университете (см., например: Свидетельство № 8607 Иркутского государственного университета об окончании китайского разряда практического цикла востоковедения при Дальневосточном отделении внешних сношений Факультета общественных наук университета, выданное Тупицыну Николаю Владимировичу : от 25 апр. 1924 г., Иркутск // Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. № 34498111. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34697408> (дата обращения: 17.09.2024)).

государственного университета открыто Восточное отделение внешних сношений в составе четырех циклов: китайского, монгольского, японского и общего (американо-европейско-азиатского). На последнем цикле взамен восточных языков преподаются языки: английский, немецкий, французский. Курс четырехлетний¹⁰.

Впрочем, информация о положительном решении вопроса об открытии в составе ФОН Иргосуна Восточного отделения внешних сношений (ВОВС) «просочилась» на газетные страницы много раньше, по всей видимости, даже ранее заседания ГУС, рассматривавшего ходатайство вуза¹¹. Такая оперативность заставляет предположить существование мощной поддержки положительного решения вопроса со стороны властных структур. Статья «К познанию Востока», увидевшая свет на страницах губернской «Власти труда» 16 июня 1921 г. (подписанная криптонимом «К.А.», за которым укрылся, по всей видимости, известный востоковед К.А. Харнский, в ту пору заведовавший информационным отделом МИД ДВР¹²) и «слившая» информацию до ее официального обнародования, позволяет заподозрить в качестве таковых — НКВД и Коминтерн. Созданный в самом начале 1921 г. Дальневосточный секретариат (представительство) Коминтерна (работавший в тесном контакте с Сибирской миссией НКВД и даже находившийся с ней в одном здании), наряду с подразделениями Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ), размещавшимися в Иркутске, превратившемся на короткий период существования ДВР во внешнеполитический и внешнеэкономический центр восточной окраины Советской России, а также отделением внешних сношений ФОН ИГУ рассматривались в статье как три основных центра, имеющих общий объект внимания, влияния и познания — страны Дальнего Востока. Автор особо подчеркивал: «Поскольку задача познания Востока будет принята как очередная, постольку деятельность этих трех организаций в одной части, а именно в изучении интересующих каждую и всех вместе вопросов — необходимо должна быть согласована (курсив автора. — Д.М.)» [16].

¹⁰ Власть труда. 1921. 3 сент. (№ 539).

¹¹ Газета «Власть труда» называет дату заседания — 15 августа 1921 г. (В государствен[ном] университете // Власть труда. 1921. 8 сент. (№ 543)).

¹² Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917-1991). URL: <http://biografii.niv.ru/doc/dictionary/orientalists/fc/slovar-213.htm#zag-686> (дата обращения: 10.07.2024).

Поэтому, вряд ли будет ошибкой предположить, что вопрос о создании ВОВС был согласован с научно-политической секцией ГУС (в которую была преобразована «комиссия Ротштейна») еще в преддверии проходившего в Москве 22 июня — 12 июля 1921 г. III Конгресса Коминтерна участвовавшим в его работе Борисом Захаровичем Шумяцким (1886–1938) — руководителем Дальневосточного секретариата Коминтерна и одновременно уполномоченным НКВД по Сибири и Монголии. Среди возможных мотивов, двигавших им в этом случае, на первом месте было, по всей видимости, стремление к всемерному укреплению — научному и кадровому — возглавляемой им структуры Коминтерна (как, впрочем, и НКВД, и НКВТ) в связи с расширением круга решаемых ею задач, а также географии оказываемого влияния. Только 1921 г. вместил в себя череду важных международно-политических событий, организатором и участником которых было представительство, его подразделения и сотрудники: Учредительный съезд Корейской коммунистической партии в Иркутске, Первый съезд Коммунистической партии Китая (Шанхай), Монгольская народная революция, Съезд народов Дальнего Востока, открывшийся в Иркутске, но перенесенный в Москву для придания ему большей международно-политической значимости. Перечень действий секретариата будет неполным, если не упомянуть подготовку и издание им агитационных материалов на языках народов Дальнего Востока, выпуск еженедельного информационного «Бюллетеня Дальневосточного секретариата Коминтерна», а затем журнала «Народы Дальнего Востока», публиковавшего на своих страницах работы видных востоковедов-марксистов М.П. Павловича, Г.Н. Войтинского, М.М. Абрамсона, И.М. Майского, К.А. Харнского и др.

Вернемся, однако, к газетной статье К.А. Харнского. ВОВС, вопрос создания которого на базе ФОН ИГУ практически решен, полагал автор, будет иметь своим «заданием» научное изучение стран Дальнего Востока, которое должно опираться на возможности широкого круга как гуманитарных, так и социальных дисциплин. При этом, однако, как оппонент доминировавшего в дореволюционном востоковедении «филологизма», он выражал надежду, что гуманитаристика не будет задавать в нем тон: «Мы еще не знаем содержания программ и курсов этого отделения, но, надо полагать, что оно сведется к изучению не только географии, этнографии и языков, но главным образом уделит внимание

экономическому и политическому положению этих стран» [16]. Что было, на его взгляд, крайне важно в свете рождения новой социальной проблемы и обретения ею мирового масштаба и значения, решению которой должны быть подчинены задачи дипломатии, внутренней и внешней политики страны — «ничем не отвратимого столкновения двух общественных сил — капитализма и коммунизма» [17]. Эти борющиеся силы крайне заинтересованы в мобилизации соратников, привлечение которых на свою сторону невозможно без их обстоятельного изучения в экономическом, политическом, правовом, духовно-культурном и прочих отношениях.

Словно откликаясь на интерес автора статьи, газета в одном из сентябрьских номеров подробно познакомила читателей с учебным планом нового и необычного отделения, дисциплинами изучения и структурой. «Лингвистическо-филологическая» часть плана занимала в его структуре почти 40 % учебных часов и помимо «Ведения в языкознание» и языка (разговорного и литературного) специализации (китайского, японского, монгольского и французского / немецкого) включала «Историю литературы» соответствующей страны Дальнего Востока. В рамках дисциплин, обязательных для специальных циклов, помимо общеобразовательных физики и химии можно выделить (конечно с известной долей условности) блоки дисциплин историко-географических, государственно-правовых и социальных. В «историко-географический» блок входили: «История XIX и XX вв.», «История и историческая география Сибири», «Первобытный строй народов Дальнего Востока», «География и этнография стран Дальнего Востока», «История стран Дальнего Востока», «Религия стран Дальнего Востока», «Экономическая география Сибири и России», «История внешних сношений со странами Дальнего Востока». Блок дисциплин «государственно-правовых» открывали «Общее учение о праве» и «Общее учение о государстве», за которыми следовали: «Государственное право РСФСР», «Основы гражданского и торгового права», «Международное публичное и частное право», «Торговые трактаты», «Правовое положение иностранцев на Дальнем Востоке», «Современное право стран Дальнего Востока». К «социальным» дисциплинам могут быть отнесены «Исторический материализм» (в те годы рассматривавшийся как марксистская теоретическая социология), «Учение о развитии общественных форм» (эмпирическая социология), «Политическая экономия», «Экономиче-

ский строй стран Дальнего Востока»¹³. Дисциплинами, не входившими в выделенные группы, были — товароведение и английский (как второй язык для всех циклов)¹⁴.

Несмотря на обилие общих дисциплин для всех циклов (именовавшихся еще по востоковедной традиции «разрядами»), учебные планы последних включали также предметы, предполагавшиеся к изучению только в рамках их специализации. Так, например, студенты монгольского цикла должны были изучать «Обычное право монгольских народов», а в план «общего» (американо-европейско-азиатского) подотдела были включены не только европейские языки, заменившие в нем языки азиатских стран, но и курсы, заместившие в нем те, что касались истории, географии, экономики и права стран Дальнего Востока: «История внешних сношений Европы, Азии и Америки (международная политика)», «История промышленного и торгового развития США», «Всеобщая экономическая география», «География Америки и Австралии», «Экономическая география Америки и Австралии», «Организация иностранных торгово-промышленных предприятий в странах Дальнего Востока» и «Практика дипломатической и консульской службы»¹⁵. Еще одним заслуживающим упоминания элементом учебного плана была, как бы сказали сегодня, «языковая практика». Предполагалось, что по мере возможности студенты старших курсов будут не менее чем на десять летних месяцев командироваться в страны изучаемого языка. Наличие данного элемента в учебном плане отнюдь не выглядит утопическим, если учесть, что значительную долю студентов ВОВС должны были составить «целевики»: 40 мест при прие-

¹³ Наличие в учебном плане отделения значительного числа курсов, имевших в своих названиях указание на Дальний Восток как географический, геополитический и историко-культурный регион ими изучаемый, заставило, по-видимому, Главрофобр переименовать отделение в 1923 г. в Дальневосточное (ДВОВС) (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 61 об.). Поскольку переименование состоялось в преддверии реформ в высшей школе и пересмотра учебных планов вузов, за этим формальным актом можно увидеть и попытку (оказавшуюся, впрочем, безуспешной) государства перенаправить работу отделения от традиционного лингвистическо-филологического востоковедения к регионоведению и международным отношениям.

¹⁴ В государствен[ном] университете // Власть труда. 1921. 8 сент. (№ 543). См. также: ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 163. Л. 6–6 об.

¹⁵ В 1923 г. «общий» разряд / цикл будет переименован «без изменения общей структуры и программ» в «американо-азиатский» (ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 62–62 об.).

ме должно было предоставляться в распоряжение НКВД и еще 20 — НКВТ¹⁶.

Думается, К.А. Харнский вряд ли был удовлетворен плодами деятельности университетской комиссии по организации ФОН, пытавшейся создать «комбинацию прежних планов с программой преподавания, вызываемой новыми весьма сложными запросами жизни» и полагавшей ее «удачной» [15, с. 31]. Это была действительно удачная комбинация, если ее целью считать, как уже было отмечено выше, сохранение кадрового состава упраздненного Гуманитарного факультета. В «комбинации» участвовали «востоковедение» (историко-лингвистическое) и «право», а в жертву было принесено то, ради чего во многом и осуществлялись реформы — строительство нового социального знания и онаучивание гуманитарного. Новая область знания — внешние сношения (международные отношения) — оказалась зажата между Сциллой «востоковедения» и Харибдой «права», служа в лучшем случае символом, «вывеской» обновления, прикрывавшей прежние по сути учебные программы¹⁷.

В этом фактически «чистосердечно признался» спустя два года существования ВОВС в преддверии очередной волны реформ в высшей школе, которая приведет в конечном итоге к закрытию последнего, член предметной комиссии отделения, заведующий кафедрами китайского и японского языков, профессор Б.К. Пашков. В своей газетной статье¹⁸ он писал о том, что ВОВС фактически живет и работает по учебным планам, с кафедрами и штатами, существующими едва ли не с основания университета, претерпевшими в ходе реформы 1921 г. лишь незначительные изменения, диктовавшиеся не только внешними политико-экономическими («требованиями жизни»), но и внутренними, дисциплинарными факторами — «прогрессом науки». Пуская критические стрелы в адрес

¹⁶ В государствен[ном] университете // Власть труда. 1921. 8 сент. (№ 543).

¹⁷ По этой причине местная история науки и образования если и обращается к истории ВОВС, то делает это исключительно в рамках истории востоковедения и исторической науки, практически не рефлексировав по поводу истории науки и образования в области международных отношений [18; 19].

¹⁸ Мы приписываем авторство этой статьи Б.К. Пашкову, полагая, что она подписана его инициалами — Б.К.П. Впрочем, информация, которую статья доводила до сведения читателей, являла собой результат коллективного обсуждения и одобрения на заседании «востоковедной» предметной комиссии ДВОВС действий последнего в свете грядущих реформ (ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 61–61 об., 72).

«востоковедения в высшей школе времен царской России», он свел причины «неудовлетворительной постановки востоковедения» в дореволюционный период исключительно к недостаточному для нормальной организации учебного и научного процесса количеству кафедр и ограниченному их штатному составу. Вот и в советском вузе ДВОВС — «наполовину отделение лингвистическое со значительным практическим уклоном и как таковое оно для большей успешности прохождения востоковедных дисциплин, в особенности языков, нуждается в увеличенном, сравнительно с обеспечением иных дисциплин, профессорско-преподавательском составе» [20]¹⁹. О каких-либо изменениях в структуре учебного плана и содержании программ, отразивших бы перемены в целевых установках подготовки специалистов, автор статьи даже не упоминает.

На исходе 1922–23 уч. года, буквально накануне «ректорского съезда» (совещание состоялось 3–5 июля 1923 г.), который будет обсуждать вопрос об установлении «постоянной сети вузов с определенными программами и штатами» (а, фактически, их массового сокращения), руководство отделения вынашивало грандиоз-

ные и нереалистичные планы не только по увеличению числа кафедр и штатов²⁰, но и по введению значительного числа новых дисциплин. Их перечень («Тибетский язык», «Маньчжурский язык», «История письменности», «Введение в изучение монгольского языка и письменности», «История изучения Востока в Европе и России», «История мусульманства», «Китайская диалектология», «Общее землеведение» «История землеведения в Азии» и др.²¹) свидетельствует не только об отрыве от реальности — заложенного властью в основание реформ принципа приближения высшей школы к потребностям жизни, но и о продолжении линии на укрепление позиций «историко-лингвистического востоковедения», противостоявшей целевой установке отделения на подготовку специалистов-международников. Резко контрастировали эти планы и с «фактом», который вряд ли мог игнорировать Главпрофобр в процессе принятия решений, — фактически «штучной» подготовкой специалистов на ДВОВС. На 15 июня 1923 г. на всех четырех курсах (и всех циклах / разрядах) обучалось всего 106 чел., в том числе на первом курсе — 39, вторым — 45, третьим — 18 и четвертым — 4 чел.²².

(Окончание в следующем номере)

¹⁹ Оставшийся безымянным автор отчета об «учебно-учебной деятельности» ФОН в 1921–22 г. писал: «Придавая огромное значение восточной лингвистике, факультетом предпринимались всевозможные меры к образцовому ведению занятий восточными языками на Восточном отделении внешних сношений» (К четырехлетию Иргосуна. Иркутск: Первая гос. тип., 1922. С. 10).

²⁰ Численность профессорско-преподавательского состава, в случае удовлетворения ходатайства ДВОВС, должна была стать больше такового показателя ФОН (на момент его подачи) в целом (ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 194. Л. 87).

²¹ Там же. Л. 61 об.

²² Там же. Л. 64.

Список использованной литературы

1. Van der Pijl K. Historicising the International: Modes of Foreign Relations and Political Economy / K. van der Pijl // Historical Materialism. — 2010. — Vol.18, iss. 2. — P. 3–34.
2. Van der Pijl K. The Wages of Discipline: Rethinking International Relations as a Vehicle of Western Hegemony / K. van der Pijl // Spectrum : Journal of Global Studies. — 2012. — Vol. 4, no. 1. — P. 5–26.
3. De Carvalho B. The Big Bangs of IR: The Myths That Your Teachers Still Tell You about 1648 and 1919 / B. De Carvalho, H. Leira, J.M. Hobson // Millennium: Journal of International Studies. — 2011. — Vol. 39, iss. 3. — P. 735–758.
4. Hobson J.M. What's at Stake in Doing (Critical) IR/IPE Historiography? The Imperative of Critical Historiography / J.M. Hobson // Historiographical Investigations in International Relations / ed. B.C. Schmidt, N. Guilhot. — New York : Palgrave Macmillan, Cham, 2019. — P. 149–169.
5. Lebedeva M. Russian Studies of International Relations. From the Soviet Past to the Post-Cold-War Present / M. Lebedeva. — Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2018. — 201 p. — (Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 187). — URL: https://www.ibidem.eu/out/media/vlb_9783838208510_1.pdf.
6. Mikhaylenko V. History of International Studies in Russia: From Ideology to Theory / V. Mikhaylenko, E. Khakhalkina // The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies / ed. M. Lagutina, A. Sergunin, N. Tsvetkova. — Abingdon, 2023. — P. 9–25.
7. Лебедева М.М. Окончание Первой мировой войны: формирование глобальных межгосударственных структур и мирополитических трендов / М.М. Лебедева. — DOI 10.21638/11701/srbu06.2019.301. — EDN HNPJDE // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2019. — Т. 12, № 3. — С. 264–275.

8. Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. — Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. — 651 с.
9. Валлерстайн И. Типология кризисов в миросистеме / И. Валлерстайн // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина ; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 109–130.
10. Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства / А. Дмитриев. — EDN MTDQBD // Новое литературное обозрение. — 2007. — № 6 (88). — С. 10–38.
11. Burke D. Theodore Rothstein, Russian Emigré and British socialist / D. Burke // *Immigrants & Minorities*. — 1983. — Vol. 2, iss. 3. — P. 80–99.
12. Лагно А.Р. Факультет общественных наук Московского университета как школа подготовки специалистов для советского государственного аппарата / А.Р. Лагно // Ученые труды факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2009. — Вып. 7. — С. 297–311.
13. Кондратьева Т.Н. Обучение студентов на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук МГУ (1921–1925) / Т.Н. Кондратьева. — EDN TFAEID // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 6 (32). — С. 89–94.
14. Буланова М.Б. Социология и социологи на факультетах общественных наук российских университетов (исторический очерк) / М.Б. Буланова. — EDN ZDILZJ // Наследие. — 2018. — № 2 (13). — С. 91–105.
15. Гуманитарные науки в Иркутском университете // Иркутский государственный университет: 1918–1921 : сб. ко дню трехлетия существования университета / ред. Г.Ю. Маннс, К.Н. Миротворцев. — Иркутск, 1921. — 43 с.
16. К.А. [Харнский К.А.]. К познанию Востока (окончание) / К.А. // Власть труда. — 1921. — 16 июня (№ 475).
17. К.А. [Харнский К.А.]. К познанию Востока (начало) / К. А. // Власть труда. — 1921. — 12 июня. (№ 472).
18. Кузнецов С.И. Всеобщая история и востоковедение / С. И. Кузнецов // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / авт.-сост.: С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. — Иркутск, 2008. — С. 26–37.
19. Кузнецов С.И. У истоков востоковедения в Иркутском университете / С.И. Кузнецов // Очерки истории востоковедения в Иркутском государственном университете : учеб. пособие / под ред. В.П. Олтаржевского. — Иркутск, 2013. — С. 5–12.
20. Б.К.П. [Пашков Б.К.]. О необходимости сохранения штатов Дальневосточного отделения внешних сношений фак[та] общ[ественных] наук / Б.К.П. // Университетское слово. — 1923. — 20 мая (№ 8).

References

1. Van der Pijl K. Historicising the International: Modes of Foreign Relations and Political Economy. *Historical Materialism*, 2010, vol.18, iss. 2, pp. 3–34.
2. Van der Pijl K. The Wages of Discipline: Rethinking International Relations as a Vehicle of Western Hegemony. *Spectrum : Journal of Global Studies*, 2012, vol. 4, no. 1, pp. 5–26.
3. De Carvalho B., Leira H., Hobson J.M. The Big Bangs of IR: The Myths That Your Teachers Still Tell You about 1648 and 1919. *Millennium: Journal of International Studies*, 2011, vol. 39, iss. 3, pp. 735–758.
4. Hobson J.M. What's at Stake in Doing (Critical) IR/IPE Historiography? The Imperative of Critical Historiography. In Schmidt B.C., Guillhot N. (eds). *Historiographical Investigations in International Relations*. New York, Palgrave Macmillan, Cham, 2019, pp. 149–169.
5. Lebedeva M. *Russian Studies of International Relations. From the Soviet Past to the Post-Cold-War Present*. Stuttgart, Ibidem-Verlag, 2018. 201 p. Available at: https://www.ibidem.eu/out/media/vlb_9783838208510_1.pdf.
6. Mikhaylenko V., Khakhalkina E. History of International Studies in Russia: From Ideology to Theory. In Lagutina M., Sergunin A., Tsvetkova N. (eds). *The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies*. Abingdon, 2023, pp. 9–25.
7. Lebedeva M.M. The End of the First World War: The Formation of Global Intergovernmental Structures and Global Political Trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 264–275. (In Russian). EDN: HNPJDE. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.301.
8. Dmitriev A.N., Saveleva I.M. (eds). *Human Sciences: The History of Subjects*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. 651 p.

9. Wallerstein I. Typology of Crises in the World System. In Kagarlitskii B.Yu. (ed.). *Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World*. Saint Petersburg, 2001, pp. 109–130. (In Russian).
10. Dmitriev A. “Academic Marxism” 1920–1930s: Western Context and Soviet Circumstances. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, 2007, no. 6, pp. 10–38. (In Russian). EDN: MTDQBD.
11. Burke D. Theodore Rothstein, Russian Emigré and British Socialist. *Immigrants & Minorities*, 1983, vol. 2, iss. 3, pp. 80–99.
12. Lagno A.R. Faculty of Social Sciences of Moscow University as a School for Training Specialists for the Soviet State Apparatus. *Uchenye trudy fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M.V. Lomonosova = Scientific Works of the Faculty of Public Administration of Moscow State University M.V. Lomonosov*, 2009, iss. 7, pp. 297–311. (In Russian).
13. Kondrateva T.N. Eaching Students at the Social-Pedagogical Department of the Social Science Faculty of the Moscow State University (1921–1925). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*, 2014, no. 6, pp. 89–94. (In Russian). EDN: TFAEID.
14. Bulanova M.B. Sociology and Sociologists at the Faculties of Social Sciences in the Russian Universities (Historical Essay). *Nasledie = Heritage*, 2018, no. 2, pp. 91–105. (In Russian). EDN: ZDILZJ.
15. Humanities at Irkutsk University. In Manns G.Yu., Mirotvortsev K.N. (eds). *Irkutsk State University: 1918–1921*. Irkutsk, 1921. 43 p. (In Russian).
16. K.A. [Kharnskii K.A.]. To the Knowledge of the East (Ending). *Vlast truda*, 1921, June 16. (In Russian).
17. K.A. [Kharnskii K.A.]. To the Knowledge of the East (Beginning). *Vlast truda*, 1921, June 12. (In Russian).
18. Kuznetsov S.I. General History and Oriental Studies. In Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A. *History and Historians: 90 Years of the Historical School of Irkutsk State University*. Irkutsk, 2008, pp. 26–37. (In Russian).
19. Kuznetsov S.I. At the Origins of Oriental Studies at Irkutsk University. In Oltarzhevskii V.P. (ed.). *Essays on the History of Oriental Studies at Irkutsk State University*. Irkutsk, 2013, pp. 5–12. (In Russian).
20. B.K.P. [Pashkov B.K.]. On the Need to Preserve the Staff of the Far Eastern Department of External Relations. *Universitetskoe slovo*, 1923, May 20. (In Russian).

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-код: 9241-2241, AuthorID РИНЦ: 499735.

作者信息

Dmitry Ya. Maidachevsky — 经济学副博士, 副教授, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, MaidachevskyDY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-Code: 9241-2241, AuthorID RSCI: 499735.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — PhD in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-Code: 9241-2241, AuthorID RSCI: 499735.

Для цитирования

Майдачевский Д.Я. Забытая страница дисциплинарной истории международных отношений в России: Восточное отделение внешних сношений ФОН ИГУ, 1921–1924 гг. Часть 1 / Д.Я. Майдачевский. — DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(3).220-233. — EDN MAFTBP // Российско-китайские исследования. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 220–233.

For Citation

Maidachevsky D.Ya. Forgotten Page of the Disciplinary History of International Relations in Russia: Eastern Department of Foreign Relations of Faculty of Social Sciences of Irkutsk State University, 1921–1924. Part 1. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 220–233. (In Russian). EDN: MAFTBP. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(3).220-233.